

Однажды к нам в гости пришли журналисты с телестудии. Среди прочих новостей рассказали, как снимали фильм о трёх братьях Пронягиных, родовые корни которых были из села Львовка Большебодлинского района. Автор сценария — Елена Кузнецова, режиссером фильма был Юрий Беспалов, операторы — Анатолий Барышков и Игорь Серов. Получив высшее образование, Пронягины работали в разных отраслях: один руководителем на крупных стройках в Сибири, другой в космической технике, третий служил вдали от Родины. Всё детство было связано у них со Львовкой. Тоска по родным местам и благодарные воспоминания мысленно возвращали в счастливое деревенское прошлое. Авторы фильма решили собрать во Львовке братьев, их родню на встречу с односельчанами и снять фильм о ярких судьбах этих людей. Он так и назывался — «Пронягины». В 1987 году фильм был показан по Центральному телевидению, что служило высшим признанием. В те годы, когда снимался этот фильм, опустело бывшее когда-то многолюдным село Львовка. Друзья-телевизионщики рассказали, что избы стоят бесхозные и заброшенные. Только летом в некоторых домах ещё живут дачники со своими малыми детьми. Душа моя встрепенулась! Я загорелась желанием побывать во Львовке.

Было это осенью того же 1987 года, когда Юра в очередной раз собирался ехать в Иркутск к другу Володе Ивашковскому и Валентину Распутину, с которым у него сложились очень хорошие отношения. Зная спокойный характер Юры, я решила не посвящать его в свои авантюрные планы, не волновать перед отъездом, а сообщить об этом, когда он будет в Иркутске рядом с надежными друзьями. Получив наказ от любимого мужа вести себя хорошо, я проводила его до площадки Свободы на экспресс, едущий в аэропорт. Вернувшись домой, стала собираться. Самая большая сложность — доехать до Львовки с борзыми и вещами. Позвонила друзьям-борзятникам и рассказала о своих планах. У нас в то время были две борзые — Гадалка (по-домашнему — Чуча) и Ярина, но мне хотелось взять у них ещё борзую Нору, родившуюся от наших собак. Где две, там и три. В октябре планировались охотничьи испытания борзых в областном обществе охотников, поэтому собаки должны быть в хорошей физической форме. Мне, как председателю секции борзых, надо было готовить места для проведения этих испытаний, поэтому я планировала осмотреть бодлинские поля на наличие там зайцев. Друзей уговаривать

не пришлось, они согласились отвезти меня во Львовку и забрать обратно. Мы встретились у нас дома, чтобы обговорить подробности. Каково же было их удивление, когда они узнали, что еду я в никуда, что не была там ни разу и даже не знаю, где буду жить и на чём готовить еду. Дима с Леной молча переглянулись. Все их сомнения я отвергла и заверила, что жизнь меня любит, приголубит и в этот раз. Главное — душевные устремления, а всё остальное прирастет само собой. Моя решимость немного успокоила их. Договорились о времени встречи.

Я закупила продукты на три недели для борзых и для себя: разные крупы, банки консервов, суповые пакеты, овощи на первое время, рассчитывая в дальнейшем купить что-то у малочисленных жителей Львовки или в Болдине. Кастрюльки, кружки, ложки-вилки, хозяйственные ведерки, тазики были уложены в сумки. Не забыла большое количество спичек, надежный фонарик — вещь крайне необходимая в поездках. Положила несколько свечей, больше для романтики, чтобы иногда сидеть в избе при свечах. Взяла небольшую палатку. Вдруг не найду пустой дом, надо же будет где-то приткнуться. Я планировала, живя во Львовке, отказаться от часов, а чувствовать только наступление утра, дня, вечера и ночи. Чтобы знать число, когда Дима с Леной приедут забирать меня в город, я буду зачеркивать дни на календаре. На следующий день после моего возвращения в город из Иркутска прилетал Юра, и мы договорились, что я встречу его в аэропорту.

Ранним утром в назначенное время мои друзья подъехали к дому на улице Белинского. Мы загрузили сумки, огромный рюкзак с продуктами и всё остальное.

— А палатку зачем берешь? — удивились. — Ты что, собираешься под открытым небом жить? Ты же говорила, что там пустые дома есть?

— Это на всякий случай. Вдруг в доме крыша окажется дырявая, — посмеялась я в ответ.

— Ничего себе... — сказал Дима.

Последними в машину запрыгнули три борзые, радостно возбужденные от предстоящего путешествия. Уж они-то знали, что всякая дорога из дома обещает вольность! Ехать до Болдина в машине, полностью загруженной, около пяти часов, а то и дольше. К тому же, по дороге надо было останавливаться, чтобы выгулять собак. Приехали в Болдино. Не отказали себе побродить по музейному парку. Нас пустили даже с борзыми. Сотрудникам музея призналась, что я жена поэта Юрия Адрианова, еду во Львовку и буду жить там одна в пустой избе.

От Болдина до Львовки километров восемь. Подъехали уже ближе к вечеру. Стояла пасмурная сентябрьская погода, мелкий осенний дождик то лениво начинался, то затихал. Дима остановил машину на пригорке, где кончалась асфальтовая дорога. Вышел, осмотрел спуск к селу и заявил, что если съедет по мокрой дороге вниз, то наверх уже не поднимется, а вытаскивать машину тут некому. Решили вещи перетаскать к ближайшей открытой избе, а утром я разберусь. Сложили на траву сумки, рюкзак, палатку. Выпустили борзых, которые стали радостно бегать на просторе. И вдруг!.. Как из-под земли со стороны дороги к нам подъехал старичок на велосипеде. Выглядел он неприглядно: помятый, небритый, в нахлобученной на лоб старой кепке, из-под которой, впрочем, весело смотрели на мир ярко-синие глаза. На багажнике ремнями привязана большая сумка, а в ней прикрытые целлофаном продукты. Видимо, ездил в Болдино в магазин. Он остановился и с изумлением, даже с некоторым испугом, уставился на нас. Старичок так был потрясен неожиданной встречей, что не мог вымолвить ни слова.

— Здорово, мужик! — весело приветствовал Дима. — Что смотришь? Встречай гостей.

— Здравствуйте, люди добрые. Что-то не узнаю никого. Я всех тут знаю. К кому же вы приехали-пожаловали?

— А кто примет, у того и остановимся, — поддержала я Димку.

— Так не бывает, к кому-то вы всё-таки приехали, кто-то да ждет вас, — неуверенно сказал старичок.

— А вот и бывает. Избы-то есть у вас пустые? Вот туда и приехали.

Ничего не понимая, но всё-таки проникшись к нам доверием, старичок рассматривал непрощенных гостей, вещи на траве и трех собак, которые носились друг за другом по луговине.

— Ну что, Наташа, ты извини, нам с Ленкой надо поторапливаться, чтобы вернуться засветло, а то ведь я дорогу не знаю, — заключил Дима.

Старичок любезно предложил перевезти вещи на своем велосипеде. Мы обрадовались. Прицепили кое-какие поклажи, и он повез велосипед в руках. Дима, Лена и я взяли всё остальное и спустились мимо пруда до первой попавшейся избенки.

— Сюда, что ли? — спросил Дима.

— Она пустая, бесхозная? — поинтересовалась я у старичка.

— Да они все такие. На нашем порядке только двое живут, так что можешь выбирать любую избу.

Он показал, где живет, и я обрадовалась, что это недалеко от моего нового обиталища. Сложили вещи в покосившуюся избушку, и я с собаками пошла проводить Диму и Лену. Мы тепло распрощались. Садясь в машину, они смотрели на меня жалостливыми взглядами, не скрывая некоторой опаски, на кого меня здесь оставляют. А главное, они, как и здешний старичок, так и не смогли понять, какая в том необходимость. Это знала только я, но объяснять другим не пыталась, потому что если спрашивают, то всё равно не поймут. Душа ликовала! Мечта сбывалась.

У избенки меня поджидал старичок. Он непрерывно бубнил одно и то же:

— Да что ты, так не бывает, чтобы из города вот так запросто кто-то приехал во чисто поле.

Звали старичка Петро, так он представился. Я торопилась дотемна прибраться в избушке. Поблагодарив за помощь и распрощавшись с ним, вышла нарвать полны для веника, почерпнула ведром воды из пруда и начала уборку. Протерла всё, что можно, вымыла пол, подложила палатку под спальник, чтобы мягче было спать на полу, по всей избе раскидала полынь, запах которой очень люблю. Почти стемнело. Решила обойтись без ужина. Позвала борзых, которые тут же улеглись поблизости, забралась в спальник и поняла, что это и есть счастье!

На чердаке, несмотря на безветренную погоду, слышались звуки. Что-то падало, ухало-ахало и казалось, что там кто-то ходит. Борзые вскакивали, волновались, но я их успокаивала, и они опять укладывались. На какое-то время всё затихало, потом опять слышалось как будто хлопанье дверей и незакрытых окон. Непонятно почему, но меня это нисколько не пугало. Я не верю ни в привидения, ни в призраков. Лежа в теплом спальнике, я весело думала: «А может, это старичок ради развлечения залез на чердак и шумит, желая напугать меня и проверить, не уеду ли я? Или всё-таки привидения существуют и таким образом приветствуют меня? Интересно, сердятся они или радуются, что я тут появилась? Милые привидения! Если вы существуете, спасибо вам за внимание и добрый прием!» Вскоре я сладко уснула.

Утром проснулась под монотонные капли дождя по крыше. Уже светало. Отсутствие часов было непривычно, и я с интересом прислушивалась к своим новым ощущениям. Недалеко от избы раздался громкий женский голос, говорящий по-местному нараспев:

— Мань, Маня-я! Ты не знашь, куда девалась, которая вчерась-от приехала? Где она устроилась-от?

Отдаленный голос отвечал:

— Не знаю-ю. У неё, глянь, собаки-от ещё были.

Я очень удивилась, что о моем приезде уже знают немногочисленные жители села. Выглянула в окошечко. Мимо медленно проплыла пожилая полная фигура с посохом в руке. Начинался первый день счастья. Борзые

встали и потянулись. Надо было их накормить. Открыла банку консервов, смешала с кашей, сваренной ещё в городе, и разложила по мискам. Сама тоже поела холодной каши и запила из большого термоса горячим чаем, заваренным тоже дома в городе. Обошла и осмотрела большую трехкомнатную избу, которую не успела осмотреть вчера вечером. У стены стояла старинная очень широкая дубовая кровать с красивым резным изголовьем. Ножки тоже резные, толстые. Большой семейный стол, два стула в таком же стиле. В углу — небольшой дубовый резной комод, очень красивый. Видимо, в давние времена здесь жили не бедные люди. Вся мебель могла бы занять достойное место в музее. Большая русская печь, а на ней вперемежку с современной посудой — горшки, кувшины, блюда из местной казаринской черной глины. На печи лежали светцы. Как они сохранились? Такая ценность! Светец — приспособление для освещения избы в темное время суток. Свечи были непозволительной роскошью в крестьянских семьях, поэтому пользовались лучинами, которые делали из деревьев, растущих в данной местности. Такие лучины вставляли в железный светец. Кузнецы выковывали светцы самой разной формы, в этом сказывались мастерство и талант каждого кузнеца. Светцы можно было воткнуть острым концом в стену или подвесить под потолок на железных цепочках, но чаще всего их ставили на полу рядом с людьми, выполняющими какую-нибудь крестьянскую работу. Под ними ставили корыто с водой или песком, куда с лучины падали угольки. В праздничные дни в светцы вставляли несколько лучин, чтобы в избе было светлее. Похоже, уезжали отсюда торопливо: всюду валялись детские игрушки, куклы, плюшевые медведи... Много бытовых вещей, не взятых из жизни здешней в жизнь ту, которая начиналась на чужбине.

Печку решила не растапливать, чтобы не устроить пожар. Посидела, оглядывая избу. Представила, как проходила здесь жизнь, в которую я нынче явилась без спроса, но с добрым чувством. Вышла с борзыми на поводке. Кругом — по колено трава, вольная, нетронутая. Чуть заметная тропка. В селе несколько красивых заросших прудов, окруженных вековыми раскидистыми ивами. Некоторые из них сломенны грозами, временем. И тишина, вселенская тишина... Неспешно пошла отыскивать барский дом. Не доходя до него, увидела небольшой дом Петра, а во дворе перед избой — пасека. Обрадовалась солнышку, которое несмело пробилось сквозь тучи; очевидно, ненадолго. Предо мной предстала картина — чудо чудное! На деревянном крыльце барского дома на боку, голова к голове, подперев их руками и вытянув ноги, возлежали две старушки и спокойно, с любопытством смотрели на меня. Одна из них, которая слева, была полная, круглолицая. Это её я видела из окошка. Поверх старого деревенского платка надеты очки, закрепленные резинкой, сильно увеличивающие глаза. На ней поношенная телогрейка, длинная черная юбка и резиновые сапоги. Около неё лежал толстый посох, много десятилетий выдавший все времена года. Справа — другая старушка, противоположность соседке. Она сухощава, из-под платка выглядывало сморщенное, маленькое, почти детское личико. Одета не по росту в потертую телогрейку, старушка утопала в ней; она тоже в черной юбке с крупными еле заметными синими клетками, и в резиновых сапогах. В довершение этой идиллии, каждая за веревку держала по большой белой козе, которые мирно щипали травку. Увидев борзых, козочки заволновались. Всё это напоминало библейскую картину и настолько переполнило мою душу умилением, что я невольно поклонилась:

— Здравствуйте, люди добрые. Мир вам.

Старушки, не меняя положения и не моргнув глазом, ответили:

— И ты будь здорова, милая. Это ты приехала вчерась вечером?

— Я, бабушки. Решила на время уехать из городской маяты, волюшки вдохнуть, порадоваться болдинским полям, простору. Примете меня?

— Это дело. Как не принять, мы завсегда рады гостям, — ответила полная.

— И надолго ты к нам?

— Нет, не надолго. Недели на три.

— А как жить-от будешь? Обогреваться, кормиться.

— Да как-нибудь. А можно потом в барский дом войти?

— Заходи в любое время. Он открыт, его никто не сторожит. Да и зачем? Редко кто из Болдина приедет. Походят, посмотрят и уезжают. А местных-от никого нету, хулиганить некому. Собаки у тебя очень уж красивые, не налюбуйешься. Пушкинские, таких наш барин держал.

Меня поразили их слова! Прошло более полутора столетий с тех пор, как тут жил сын поэта Александр Александрович Пушкин, а он для них так и остался «нашим барином». Да ведь ещё помнят, что «собаки пушкинские». Удивительно! Время для них будто стоит на месте, не двигается. Я решила не беспокоить старушек, не нарушать увиденную мной идиллию, а посетить барский дом в другой раз. Прошла дальше к ветхой деревянной церквушке, закрытой на замок. Закрыта была и деревянная бывшая церковно-приходская школа. Рядом находилось заброшенное одноэтажное каменное здание; над покосившейся дверью с огромным замком висела вывеска с чуть заметными буквами «Магазин». Вышла в поля. Боже мой! Вот они, пушкинские просторы, куда я так мечтала приехать, вдохнуть прозрачный хрустальный болдинский воздух. Кругом, неохватно взору, простиралась чуть холмистая степь, поля, с которых уже почти убрали урожай. И дали, бесконечные дали!..

В Болдино Александр Сергеевич приезжал три раза: в 1830, 1833 и 1834 годах. В первый приезд он задержался в Большом Болдине по причине эпидемии холеры. Это время, вынужденно проведенное в Болдине, стало нарицательно называться «болдинским вдохновением», потому что здесь поэтом написано огромное количество сочинений, ставших гордостью и славой русской поэзии. Во времена приезда Пушкина в Болдино во Львовке было всего несколько избышек. Нет сведений, что Пушкин заезжал сюда. Да и зачем? Может, лишь мимолетно во время прогулок верхом.

Солнышко окончательно скрылось за тучами. Не совсем приветливо встретила меня болдинская земля: дожди, дожди, дожди... Ну, ничего, когда-нибудь они закончатся. Я очень люблю степь, вольную, бескрайнюю. В лесу тоже хорошо, но там рождаются другие чувства. Лес ласкает листвой, будто гладит тебя по лицу, защищает, радуется разнотравьем, пением птиц. В нём богато. Степь суровее. Безбрежная, она заставляет вглядываться далеко за горизонт, мечтательно ждать чего-то... Открытость небу будоражит душу. Вдалеке виднелись перелески. Я пошла в ту сторону. Борзые резво мчались по полю, не замечая непогодь, только грязь летела «из-под копыт». Осень чуть-чуть задела желтизной листву, тем самым оживляя дождливый день. Я люблю всё, даже ненастье. Оно прекрасно тем, что не указывает идущее-бегущее время. По солнцу можно определить время суток даже в отсутствие часов; в пасмурную погоду утопаешь в безвременье, существуют только понятия: утро, день, вечер, ночь. В ненастье своя прелесть. Может, в ожидании солнышка?.. Тепло, осеннего, прощального перед холодами!..

Долго бродила по полям. Так и не дождавшись солнечной погоды, решила вернуться обратно. Возле стога набрала в рюкзак соломы для собак. Борзые — создания удивительные. Шерсть, или вернее, псовина, у них обладает способностью к самоочищению. Достаточно нашим собакам после полей полежать на сене или лучше на соломе, — утром они уже чистые. Правда, остаются репы, но это другая проблема. Подходя к селу, взяла борзых на сворку. Тишина, непривычная тишина. Не слышно звуков обжитой деревни: ни мычанья коров, ни собачьего лая, ни петушиных криков, ни кудахтанья кур. Здесь доживают свой век несколько стариков и старушек, с трудом преодолевающих возраст, а с ним тяжесть бытия. Во время моего пребывания во Львовке насчитывалось не более шести жителей.

Хорошо в избе. Сильные холода ещё не настали, а легкая прохлада никогда не помешает здоровью. Захотелось вымыть окошечки в избе и кровать, на которую решила перебраться, чтобы не спать на полу. Пошла за водой к пруду, который находился буквально напротив избы. Старые разросшиеся ивы окружали его, опустив ветви прямо в воду. Я села на берегу и не могла взгляда отвести ото всего окружающего. Вспомнила стихотворение Юры, посвященное иве болдинского парка:

*...Надломленная кряжистая ива
Над сонным равнодушием пруда
Ещё живет,
Связуя молчаливо
И вечность, и мятежные года.*

*...Где встарь рыдал пролетный гусь-гуменник,
И где не прервалась с природой нить,
Свидетель и последний современник
Во имя новых дней стремится жить.*

Всё окрест наслаждалось тишиной. С первого дня приезда в пушкинскую Львовку я была окутана возвышенным поэтическим чувством. Втайне я мечтала съездить сюда сначала одна, потом рассказать обо всём Юре и в следующий раз приехать уже с ним в эти благодатные места. Я уверена, что он написал бы немало живописных этюдов, стихов. А вдруг получится уговорить его?.. Мы неприхотливы до бытовых удобств, которые мало стоят по сравнению с упоительной здешней жизнью. Юра был во Львовке наездами несколько раз. Вот как он описывает одно из посещений в своей книге прозы: «Вспомнилось, что в этом сумеречном раздолье влюблено и радостно уже бродила моя душа, тогда юного странника. Тридцать лет назад угадывался нынешний день. В те времена Львовка жила. Но первое многолюдие, что я тогда повстречал, — были поминки. В шестидесятые годы старики ещё наперебой вспоминали «сына Пушкина, генерала». Господи! Ведь это же всё зримо в памяти! Но главное в другом: в равнинном одиночестве, под поздним небом проснулся во мне тот человек, с которым давно не виделись, расставшись когда-то у околицы минувших лет...»

Вымыв окошечки, с благоговением — кровать, стулья и стол, я попила чаёк с сухарями, которые перед отъездом насушила в огромном количестве. Хорошо! Собираясь в поездку, я хотела положить в сумку двухтомник нашего любимого с Юрой Федора Ивановича Тютчева, но в то время у нас было только одно издание 1966 года. В дорогу взять его не решилась. Мало ли что... Взяла том стихов Афанасия Афанасьевича Фета, которого мы тоже любим. В обязательном порядке должны быть со мной болдинские стихи и проза А.С. Пушкина, Юрия Адрианова о Болдине и Пушкине, книги нижегородских писателей на эту тему. Не забыла одного из самых моих любимых авторов, человека чистейшей, светлейшей души, талантливого филолога, пушкиниста, профессора университета и друга юности Юры, с которым они учились, — Владислава Грехнева. Свершилось желанное! За окном — ранняя дождливая осень, я на болдинской земле, меня к себе в усадьбу пустил Александр Александрович Пушкин, рядом со мной после полей отдыхают борзые, а я открываю томик стихов Фета:

*Я вдаль иду моей дорогой
И уведу с собою вдаль
С моей сердечною тревогой
Мою сердечную печаль.*

*Она то доброй проводницей
Со мною об руку идет
И перелетной, вольной птицей
Мне песни новые поет.*

*Ведет ли путь мой горней цепью
Под ризой близких облаков,
Иль в дальний край широкой степью,
Иль под гостеприимный кров, -*

*Покорна сердцу своеволью,
Везде, бродячая, вольна,
И запоет за хлебом-солью,
Как на степи, со мной она.*

*Спасибо ж тем, под чьим приютом
Мне было радостней, теплей,
Где время пил я по минутам
Из урны жизненной моей.*

*Где новой силой, новым жаром
Опять затрепетала грудь,
Где музе-страннице с гуслиаром
Нетруден показался путь.*

Благословение поэтам, создающим такие стихи во спасение человечества и каждого из нас! Они помогают всё воспринимать возвышенно, как и должно человеку. Если б не было стихов, жизнь на земле давно бы стала иной — чуждой, нечистой. В томе стихов Афанасия Афанасьевича есть стихотворение, помеченное рукой Юры: «Бабушка Надежда Николаевна любила и читала мне в детстве». Вот оно:

*Теплый ветер тихо веет,
Жизнью свежей дышит степь,
И курганов зеленеет
Убегающая цепь.*

*И далеко меж курганов
Темно-серою змеёй
До бледнеющих туманов
Пролегает путь родной.*

*К безотчетному веселью
Подымаясь в небеса,
Сыплют с неба трель за трелью
Вешних птичек голоса.*

Моё поэтическое состояние нарушил стук в окно. Выглянула. У избы стояли два мужика в длинных брезентовых плащах с капюшонами от дождя. Через плечо у каждого переброшен пастуший кнут, в руках они держали по большой, видимо, тяжелой сумке. Я вышла, мы поздоровались. Мужики не старые. Один из них повыше и, я бы сказала, посуровей. Другой смотрел на меня с умильной блуждающей улыбкой, не спуская глаз, но в этом не чувствовалось ничего дурного. Я чуть не рассмеялась, так это было трогательно. Весь он чистенький, с гладкой бледной кожей лица, и от него буквально исходила святость... Он был какой-то неземной, нездешний. Но главенствовал между ними тот, который посуровее. Он внимательно осмотрел меня с ног до головы:

— Нам сказали, что тут дачница поселилась. Молока не надо, хозяйка? Мы пастухи, молока принесем, сколько хочешь. Купишь?

Я обрадовалась, вынесла трехлитровую банку, взяла молоко и рассчиталась. Всё это время «блаженный», как я определила мужичка поменьше, смотрел с такой же ласковой улыбкой. «Какой-то медовый» - подумала я. Так оно и оказалось.

— А меду надо? Возьмешь? — тихо, неуверенно спросил он.

— Не откажусь. Литровую банку купила бы.

— Принесу завтра.

Мы договорились о цене, и они хотели уже уходить, но тут мужик, который главный, спросил:

— Ты одна тут живешь?

— Да, а что? — в меня тихонько забралась легкая тревога. Кто знает, зачем он спросил об этом?

Желая закончить общение, я изобразила сердитое лицо и стала открывать перекошенную дверь в избу, которая, как нарочно, не открывалась. Тогда «суровый» подошел к окну, спокойно вынул раму, взял у меня тяжелую банку с молоком и, перегнувшись через подоконник, поставил её в избе на пол. Всё это было так смешно, что я рассмеялась. Они тоже засмеялись.

— Ты не бойся, мы не разбойники. Да у нас тут никто не хулиганит, некому. Село-то пустое. Мы пасем стадо с трех деревень, вот отвели скотину, к тебе зашли издалека. Все уже знают, что ты тут живешь. А что одна-то? Со скуки помрешь. У нас в соседнем селе дом культуры есть, там молодежь, танцы. Сходила бы туда, потанцевала, познакомилась бы с кем-нибудь. Я от такой трогательной заботы обомлела:

— Спасибо. Я как раз ото всего этого убежала из города в безлюдное село.

Они удивленно посмотрели на меня:

— Ну, как хочешь...

И ушли. Молоко было кстати. Я же знала, что жизнь любит меня. А если ещё будет мед!.. Вскоре сумерки совсем накрыли Львовку. Предыдущую ночь на чердаке слышались таинственные звуки. С наступлением нынешней ночи было тихо. Ложась в спальник, я подумала, а всё-таки интересно, который час? Было странно жить, не ориентируясь во времени. Ничего, привыкну. Спать не хотелось. Полежала, встала и села возле окна. Вдруг огромная, чуть заметная в темноте птица, бесшумно пролетела мимо окошечка, почти закрыв его крылами. Невольно отшатнувшись, я успела определить, что это большая сова. Как в сказке... Стало уютно, что рядом живет такое прекрасное создание. Долго сидела, представляя, как далеко-далеко в городе Иркутске живет любимый муж, заботится о нём надежный друг Володя Ивашковский. А ещё Юра общается с замечательным человеком Валентином Григорьевичем Распутиным. Всю жизнь Адрианов писал книгу о декабристах-нижегородцах, отыскивая о них материалы. Вот как он рассказывает об этом в книге «Российской памяти созвездье»: «...Не одну осень, а год за годом улетал я в Забайкалье, в Сибирь, ехал в села возле Иркутска, в Селенгинск и Кяхту, в Читу, к берегам Енисея». И в эту осень Юра уехал в те же места с той же целью.

Дрёма охватила меня... Залезла в спальник, пожелала всем людям доброй ночи. И тут я ощутила, будто держит меня на руках, как мама в детстве, Богородица и ласково укачивает. Утром проснулась, лишь забрезжил рассвет. Борзые спали невдалеке. Я лежала и думала, как спланировать сегодняшний день пребывания в этом раю. Очень хотелось позвонить Юре в Иркутск. Он, конечно, будет звонить домой в город, меня не застанет и разволнуется. Решила идти в Болдино на почту дозваниваться. Чуть пошевелилась, борзые вскочили и взглядами спрашивали, что будем делать. Штормовка моя не просохла после вчерашнего хождения под дождем. Умылась, накормила собак кашей с тушенкой, попила молока с сухарями. Вкусно! Надела запасную куртку, собралась в Болдино с борзыми. Изба оставалась незапертой. Взяла деньги и документы. Больше тут брать нечего, да я и не сомневалась, что никто не придет сюда без меня. В путь! Поднялась на пригорок и пошла дорогой, которой приехали сюда. Выйдя за село, вольно пустила борзых, которые радостно помчались, куда глаза глядят. Странно, такой вроде бы дальний путь, но я его преодолела без всяких усилий. По дороге читала стихотворение Юрия Адрианова:

*...Мерцают Болдина пруды
Зеленым охлажденным светом.
Последний раз взглянуло лето
В молчанье лунное воды.
Уже прозрачны тополя,
И сходит и скорбит сомненье
О том, что ночи вдохновенья
Здесь отдала уже земля
До капли в тот далекий год,
Когда гостил внезапный странник.*

.....

Имя Александра Сергеевича Пушкина, Болдинская земля были всегда любимы Юрой. В раннем детстве познание поэзии Пушкина началось со строки поэта — «У лукоморья дуб зеленый...» Удивительное совпадение: музей-заповедник А.С. Пушкина в Большом Болдине впервые торжественно открылся в день рождения Юрия, но десять лет спустя — 18 июня 1949 года. Первый раз Адрианов приехал сюда в 60-х годах. Тогда они с друзьями посетили эти края, наслаждаясь природой, которая окружала поэта. Вот как пишет об этом Юра в своей книге «Российской памяти созвездье»: «А что же здесь подлинного? Всё подлинно! Небо, воздух, мир птичьих голосов и матушка-земля — все они подлинны, пушкинские. Эти дрёмные запахи трав, вечные очертания далей. И сто семьдесят лет назад и сейчас — те же запахи, голоса, трава, тишина на окраинах полей. Всё так же осталось в осенней природе». В дальнейшем поездки в Болдино стали частыми. В свои сборники Юра включал стихи о поэте, о болдинском вдохновении Александра Сергеевича Пушкина на нижегородской земле. В 1997 году благодаря усилиям тележурналиста, писателя Сергея Петровича Чуянова в издательстве «Деком» вышел сборник стихов и прозы Юрия Адрианова «Болдинские этюды», а в 2009 году, уже после кончины мужа, я переиздала в издательстве «Вертикаль. XXI век» сборник «Мерцают Болдина пруды», дополнив книгу новыми стихами Юрия на ту же тему.

Придя в Болдино, я отыскала почтовое отделение, откуда можно позвонить, заказала переговоры. На почте меня и борзых рассматривали с нескрываемым любопытством. С Иркутском связи не было. Жаль! Я хотела рассказать Юре, как во Львовке хорошо и творчески привольно. Эх, если бы в те времена были сотовые телефоны — великое изобретение человечества! Смогла дозвониться только до своих родственников, сказала, что жива и счастлива. На обратном пути, только мы вошли в село, нас накрыл сильный ливень, еле добежали с борзыми до своей избы. О ходьбе по полям не могло быть и речи. Дождавшись, когда закончится дождь, я оставила борзых в избе и пошла осматривать барский дом. Подходя к нему, вспомнила встречу со старушками, которая произвела на меня неизгладимое впечатление, осталась в памяти неким видением.

Село Львовка расположено на земле, которая с XVII века входила в состав болдинской вотчины Пушкиных. Названа она по имени первого владельца Льва Александровича Пушкина, деда поэта, который основал поселение крепостных крестьян, выселенных из Болдина за провинности и своеволие. Когда Александр Сергеевич в 1830-м году жил в Болдине, во Львовке было всего несколько изб, но в дальнейшем село значительно расширилось. В начале 1850-х после раздела болдинского имения его владельцем стал старший сын поэта конногвардеец, герой русско-турецкой войны, генерал-лейтенант, а в дальнейшем тайный советник Александр Александрович. Местность вокруг села была степная, безлесная. По указанию Натальи Николаевны Пушкиной, ставшей к тому времени вдовой, был построен барский дом, а вокруг разбит парк с красивыми липовыми и березовыми аллеями. Главная достопримечательность усадьбы — барский дом, построенный в архитектурном стиле усадебного дома в Большом Болдине с большим балконом, с колоннами по фасаду. В тот год,

когда я жила во Львовке, в Болдине ходили разговоры, что его собирались реставрировать, но планы одно, а реальность другое. Помещение не переделывали со времен постройки; перегородки остались в первоначальном виде, несмотря на то, что в советское время тут находилась школа-восемилетка. С трепетом входила я в дом пушкинской усадьбы... Обратила внимание на то, что здесь поддерживался порядок, не чувствовалось запустения, как бывает в заброшенных домах. Этот дом любили. Ходила по пустым комнатам, представляла, как тут жили раньше, выглядывала из окон. Казалось, что сейчас, нарушая тишину, к крыльцу подъедет лихая тройка, а из кареты выйдет Александр Александрович. Долго сидела на деревянных ступеньках лестницы второго этажа. Уходить не хотелось. В первый раз, когда я шла в поля этой дорогой, обратила внимание, что за домом находился сад, заросший терновником. В XIX веке этими ягодами засаживались многие барские усадьбы. Нынче терновник почему-то не в почете. Ягоды поспели, но их никто не обирал. Крупные, лиловые, они сами напрашивались, чтобы их сорвали.

В избу вернулась с большой сумкой терновника. Накормила кашей борзых, сама перекусила. В дверь постучали. Я открыла. В избу быстро вошел веселый небольшого росточка мужичок. Мы познакомились, его звали Василий.

— Эх, милая, да как ты тут живешь? Мне сказали, что ты в пустой нетопленной избе остановилась, так я сразу приехал. Недавно заходил, а тебя не застал, только собаки в окошко выглянули. Да ты, наверное, и промокла, и голодная сидишь? Давай-ка переезжай в мою избу. Я только летом здесь живу. У меня в Болдине квартира есть, а во Львовке изба от родителей осталась. Эх, милая! Да у меня дочка твоя ровесница. Мне так жалко тебя стало, вот я и решил поселить тебя в нашей избе. Ты не думай, мне от тебя ничего не надо, только живи. Там и печка есть, и дрова. Топи, не стесняйся. Хочешь — баню растапливай, дров хватит. И собак забирай, пусть с тобой будут. Собаки-то какие благородные. Давай-ка, собирайся.

Я растерялась, никак не рассчитывая на такую любезность, невесть откуда явившуюся. Даже не сопротивляясь, согласилась, в душе всё-таки сомневаясь: неужели так бывает? Мы собрали вещи, и Василий понёс их в свою избу. Там было уже натоплено, чистенько и уютно.

— Вот, располагайся.

Показал, где что находится, как чем пользоваться.. В избе было, ко всему прочему, электричество. Василий вручил ключи, сказал, чтобы я, уезжая, оставила их над входной дверью, и быстро ушел, не желая стеснять меня. Я села посередине нового жилища, всё ещё не веря в происходящее. Ну что же, спасибо тебе, добрый человек! Опять в который раз убедилась, что всю жизнь судьба мне преподносит что-нибудь невероятное.

Избенка маленькая. В ней помещались только небольшой столик у окна, два стула, узкая высокая кровать с железными набалдашниками. Печка тоже небольшая. Это хорошо, немного дров требует. Зато сени очень просторные. Со стены на меня смотрели фотографии живших когда-то здесь: бабушки-пробабушки, деды-прадеды, детишки мал-мала меньше. Такие фотографии на стенах обязательно вывешивают во всех избах наших деревень и сёл. Иногда рядом с ними можно увидеть выцветшие репродукции картин русских художников, вырезанные из журналов, фотографии любимых артистов кино, в прежние времена — фото космонавтов, которых все знали и гордились ими. Я глядявалась в фотографии. Вот старая-престарая, на ней почти ничего не видно, с трудом угадываются лица людей. Есть фотографии военные. Рядом — мальчишки, девчонки детсадовские; вот школьники разного возраста и повзрослевшие парни в форме солдат советской армии. Все они смотрели на меня, будто спрашивая: кто ты?.. Мне хотелось им сказать, что я к ним отношусь с уважением и благодарностью за теплый приют.

Укладываясь на ночлег, сложила ненужную мне постель и разложила на кровати свой спальник. Электричеством я так и не воспользовалась, не желая нарушать данное себе слово жить вне цивилизации. Да и необходимости не было. И так хорошо. С вечера в горячей печке заваривала пшеничную кашу для борзых и для себя. Только улеглась в спальню, на чердаке послышались звуки, похожие на те, которые я слышала в первую ночь в прежней избе. Стало интересно. Вышла в сени, зажгла фонарик и залезла по приставной лестнице на чердак, освещая себе дорогу. Любопытство влекло меня: что же или кто так шумит? Собаки опять насторожились, услышав непонятные звуки. Тщательно осмотрела весь чердак. Не найдя ничего подозрительного, спустилась вниз, где меня радостно приветствовали борзые. А всё-таки забавно...

Снились мне люди, которые здесь жили. Утро, согретое избушным теплом, было непривычным. На печке нас с борзыми ждала теплая каша с молоком. Завтрак барский! Захотелось осмотреть всё, что снаружи окружало «мою» новую избу. С борзыми вышла через сени, прошла большой длинный огород. Урожай собран, грядки аккуратно обработаны. Видно, что хозяйка любит порядок. За огородом — луговина, посередине которой стояла невероятно живописная старая береза, наполовину сломенная грозой. Остатки её толстого ствола вопиюще трагично торчали над красивой нарядной зеленью. Контраст очень бросался в глаза. Картина была такая выразительная! В который раз пожалела, что у меня с собой не было фотоаппарата. Сколько я пропустила в ту поездку, оставив в памяти только увиденное мной. Множество радостей и несчастий, незаметных человеку, переживает природа! Я с детства чувствую единение с ней, остро чувствую её жизнь. Это приносит чаще страдания, потому что человечество беспощадно и эгоистично, угождая только своему чреву.

Долго смотрела на сломенную березу, представляя, какие страсти тут разыгрывались. Перелеском спустилась в неглубокий овражек. Низкие тучи не обещали хорошей погоды. Среди ярко-белоствольных берез было так хорошо и тихо, что мне захотелось присесть на траву. Борзые бегали рядом. И вдруг я почувствовала такую непередаваемую благодать!.. Незаметно для себя уснула или... что? Очнулась, не понимая, сколько прошло времени и почему меня так сморило, ведь я нисколько не хотела спать. Странно. До сих пор, вспоминая это, я удивляюсь, что же тогда произошло со мной. Борзые бегали вдалеке. Они, видимо, ждали, когда я встану и пойду дальше, а не дождавшись, умчались. Я окликнула собак. В этот раз были обследованы ближайшие поля, но в другом направлении. С пригорка видела соседнее село или деревню. Может, там находится дом культуры, куда предлагал мне сходить на танцы «суровый» мужик. Кстати, ко мне они больше не приходил. Наверное, не отыскали, потому что я сменила место жительства, а может, не захотелось идти далеко под дождем. Ну да ладно, спасибо за то, что угостили молоком.

Дождливая погода не удручала меня. Вспомнилась проза Адрианова: «Болдинская земля любит одинокие прогулки. Несомненно, что самые чистые откровения обретаешь здесь в пору листопадов, когда кротко, с легким вздохом скользит к земле осеннее золото». Долго ходили мы с борзыми, сколько часов, не ведаю, только голод вернул в избу.

Александр Пушкин:

*К привычкам бытия вновь чувствую любовь;
Чредой слетает сон, чредой находит голод...*

После обеда опять пошла в поля, в третью сторону света в поисках зайцев. Где бы им не быть, как не в таких местах? И третий день ходьбы не дал никаких результатов, зайцев не встретила. Места для охоты благоприятные — вольная степь, кормовая база есть. Стояла середина сентября, все поля убраны. Видимо, звери прячутся от ненастной погоды, они тоже не любят дожди. С борзыми бродили до вечера. И опять дождик то переставал, то начинался.

Афанасий Афанасьевич:

*Но опять это небо ненастное
Безотрадно нависло над нами, –
Знать, опять, моё солнышко красное,
Залилось ты, вставая, слезами!*

Вернулись в село. Каждый раз, прежде чем впустить борзых в избу, мыла им лапы и укладывала в сених на сено или солому, чтобы они просохли. Только после этого разрешала войти. Раза три забегал ко мне молодой парень, которого звали Федор. Не помню, жил ли он во Львовке или приходил иногда из Болдина. Встречала я его неохотно, видя в его появлении праздное любопытство и больше ничего. В тот раз он пришел, когда я мыла борзым лапы. Его бурному изумлению не было конца:

— Это чтобы я держал собак и мыл им ноги! Ну и ну! В первый раз такое вижу!

Больше Федор не заходил. Видимо, понял, что я приехала за уединением.

В избе стало прохладно. Вот как быстро я избаловалась теплом. Дай Бог тебе, добрый человек, всего желанного!

На второй день после переселения в теплую избу мне очень захотелось искупаться в пруду, который находился буквально у порога. Было тепло, хотя и пасмурно. Температура воздуха примерно десять, двенадцать градусов, но я не чувствовала в этом преграды. Истопила печку, чтобы из пруда могла сразу «нырнуть» в теплую избу. Неизвестно, какое тут дно, поэтому я опасливо вошла в воду, держась на ветви ивы. Постояла, потом решительно окунулась и поплыла! Поначалу обожгло холодом, но потом привыкла. Плавала долго, не хотелось выходить. Представьте: тишина, безлюдье и я плаваю в этом вселенском безмолвии. Какое счастье! Ветви столетней ивы чуть касались лица. Мне так понравилось, что я купалась каждый день. Каждый! Вдохновляла Софья Андреевна Толстая, в дневнике которой я прочитала: «26 июля. Ходили утром купаться: в воде 14 градусов, в воздухе 11. Очень холодно». Несмотря на это, барыни всё-таки купались. Следующий день: «27 июля... Тانيا и я ездили верхом в Овсянниково, потом купались». «29 июля: ...ходила купаться, это берет много времени, но поддерживает свежесть тела, а это очень приятно». Далее: «30 июля. Сегодня купались с Надей Ивановой, далеко плавала». Повторюсь, что стоял летний месяц июль, но погода для купания, прямо скажем, совсем не подходящая. Кстати, Софье Андреевне тогда было шестьдесят лет. Какова графиня!

От растопленной печурки по всей избе шаловливо забегали отблески огоньков. Просохшие и накормленные борзые разлеглись на полу рядом с теплом, идущим от печки. В окно постучали. Я выглянула. Под окошком стоял Петро. Войдя, он осмотрелся:

— Вот теперь дело, так и надо жить — в теплом доме. Разве проживешь осенью в холоде! Молодец, Васька, что уступил тебе избу. Ну как, нравится здесь?

— Конечно! — я ждала, что он скажет. Петро неуверенно спросил: — Тебе меду надо?

— Мне уже предлагали, до сих пор жду.

— Пастухи-то? Да они не дошли до тебя, потому что далеко. Тут кроме тебя покупателей нету, им неинтересно. Ну, будешь брать?

— Я бы не отказалась. И сколько стоит твой мед?

Петро испытующе посмотрел на меня:

— А у тебя сахарный песок есть?

— Есть.

— Давай так: ты мне пакет песка, я тебе — трехлитровую банку меда. Согласна?

Я не знала, что ответить. Продажа была явно не в его пользу, мне было стыдно получать такую «покупку».

— Что так дешево? За пакет песка...

— Да у меня своя пасека, а мед девать некуда, покупателей тут нет. В Болдино не наездишься. Мне старику тяжело ездить на велосипеде туда-обратно.

Я согласилась, рассчитывая в следующий раз купить ему в Болдине несколько пакетов песка и кое-какие необходимые продуктов. Петро ушел и вскоре появился с банкой меда. Мы обменялись. Ему явно не хотелось уходить:

— Собаки у тебя красивые, пушкинские.

Как интересно! Я второй раз во Львовке слышу это определение борзых — «пушкинские».

— С чего ты решил?

Петро ответил обыденно, будто это было недавно:

— А мой дед работал у барина, рассказывал, каких он собак держал.

Я изумленно спросила:

— Сколько же ему лет, деду вашему?

— В прошлом году сто сорок исполнилось.

Я чуть со стула не упала:

— Сто сорок?!

Петро, заметив моё изумление, засмеялся:

— Да он уж давно умер!

— Ну, это другое дело, а то я подумала, что он до ста сорока лет дожил.

Мы посмеялись. Петру хотелось пообщаться, да и мне он был по душе. Я всё-таки решила проверить его на знание:

— Ещё что он про борзых рассказывал?

Мой гость вытянул левую руку вперед, а правой показал по локоть:

— Рассказывал, что морды у этих собак были длинные — во! Хвосты тоже — во!

— А кормили чем?

— Кормили овсянкой, которую запаривали кипятком. Иногда мясо давали, потроха, когда были, иногда недоедки со стола.

Поразительно! Петро отвечал правильно, со знанием дела. Память в народе удивительно крепка, передавая из поколения к поколению рассказы и о барине, и охоте с борзыми. Держали небольшое поголовье борзых и во Львовке. Ухаживали за борзыми борзятники из крестьян, а Александр Александрович, конногвардеец, участвовал в охоте, приезжая на некоторое время во Львовку. Такие охотники, имеющие небольшую охоту, назывались мелкотравчатыми. Съезжались, конечно, и с соседями-охотниками. Во второй свой приезд в Болдино Пушкин пишет стихотворение «Осень»:

*Октябрь уж наступил — уж роща отряхает
Последние листья с нагих своих ветвей;
Дохнул осенний хлад, дорога промерзает.
Журча, ещё бежит за мельницу ручей,
Но пруд уже застыл; сосед мой поспешает
В отъезжие поля с охотою своей,
И страждут озими от бешеной забавы,
И будит лай собак уснувшие дубравы.*

.....

«...сосед мой поспешает в отъезжие поля с охотою своей...» Можно определенно сказать, что соседом Пушкина был Валериан Гаврилович Ермолов, имевший в то время псарню в селе Черновском. Валериан Ермолов относился к старинной фамилии Ермоловых, которые сделали славу России. Нам хорошо известен А.П. Ермолов герой Отечественной войны 1812 года. Валериан Гаврилович вернулся в 1825 году в Черновское после службы корнетом в Сибирском уланском полку. Имея пристрастие к охоте, завел псарню и через некоторое время стал известным в России заводчиком русских псовых борзых. Он внёс огромный вклад в развитие

и формирование этой породы, имел большую комплектную (не комплексную) охоту, в состав которой входили гончие собаки, отыскивающие зверя по следу, используя нюх, и борзые, которые ловят зверя (зайца, лису, волка) в зрячую, пользуясь исключительным зрением. Скорость при этом борзые развивают огромную — от шестидесяти до восьмидесяти километров в час. Являясь грамотным заводчиком борзых и гончих, Валериан Ермолов делился своим опытом со всеми охотниками-единомышленниками, часто публиковался в популярных российских охотничьих журналах. До сих пор борзятники пользуются его дельными советами.

Петро, видя мою расположенность к нему, оживился:

— Я вот смотрю, как ты с собаками каждый день под дождем ходишь. Тебе за это хоть сколько-то платят?

Мне ничего не оставалось, как подтвердить, что платят, и платят хорошо.

— Ну, это ещё ничего. А то я смотрю, как ты, горемычная, в дождь по полям грязь месишь, уж так мне тебя жалко становится! А за деньги-то можно и походить.

Мы распрощались.

Жизнь моя стала ещё прекраснее и слаще. Теперь я в избуном тепле пила чай с медом!.. Вечерами топила печку, вспоминала Александра Сергеевича:

*Но гаснет краткий день и в камельке забытом
Огонь опять горит — то яркий свет лиет,
То тлеет медленно — а я пред ним читаю,
Иль думы долгие в душе моей питаю.*

На следующий день, чуть рассвело, я не поверила своим глазам, увидав в маленькое окошечко солнышко, ясное и уверенное. Наконец-то! Наспех позавтракала кашей с молоком и медом, попила чай, тоже с медом. Вышла с борзыми через огород и перелесок в поля. Глянула со взгорья: залитая солнышком Львовка и её окрестности преобразились, стали нарядными и ласковыми. За Львовкой — поля, березовые перелески так и манили в даль. Всё похорошело! Я шла легко и радостно, казалось, что попала в незнакомые места, хотя вчера бродила здесь. Оглядела все четыре стороны света — какие просторы! Возможность идти куда хочется, бодрость духа и тела будоражили счастьем существования на земле. Юра писал: «Среднерусская осень — красавица своенравная, то она капризна и слезлива, то ветрена, то удивит снежком. Но что не простишь ей за благодатные теплые дни, за ту короткую пору, когда взор её приветлив, когда она завораживает золотой тишиной перелесков, лазурно-зеленоватым холодком высокого полдневного неба и раздольем полей, где рассеянно блуждают фиолетовые тени сиротливых облаков!» Я пошла по стерне к березовым посадкам, видневшимся вдали. Солнышко вступало в свои права. Судя по всему, было часов восемь утра. Ох, уж эта необходимость знать время суток! Даже сейчас, когда меня ничто не торопит, почему-то необходимо помнить о нём. Дошла до стройного ряда берез. Осень с первого дня моего пребывания сменила одеяние редкими желтыми листочками на ярко-багряный и ярко-желтый наряд, особенно заметный сейчас в солнечное утро. Ученые считают, что осень идет по земле с севера со скоростью пятьдесят километров в сутки. Вот она и добежала до Львовки, щедро рассыпав краски на листву.

Я стояла одна, странница среди природы. Беспеременно затягивающий круговорот человеческой жизни остановился, сменившись на созерцательность. Прилегла на небольшой стожок. Он был влажный, ароматный. Тишина. Только далеко-далеко слышно и видно, как, воспользовавшись благодатным деньком, работают механизаторы. Но вот и они остановились, всё стихло. Я лежала и смотрела в небо на белые спокойные облака, на слегка холмистую даль, покрытую пашней, сочно-яркими зелеными, стерней. Солнышко, пробившись сквозь надоевшую

толщу тяжелых темно-серых туч, набирало силу. Над жирной черноземной пашней спокойно и плавно летали грачи; сытно им и вольготно в этот тихий и солнечный день сентября. Я закрыла глаза. В стожке слышался звук мышки-полевки, отдаваясь эхом в сене, приятно щекоча слух. Она звонко делала свою работу, готовясь к зиме. Мышку всё слышнее и слышнее, она уже подобралась к моему уху, не боясь и не обращая внимания на мое присутствие. Я замерла от умиления, даже глаза повлажнели. Высоко-высоко в небе загудел самолет; люди летят куда-то... А я лежу возле стожка, никуда не спешу. Как хорошо, спокойно. Вдруг меня охватило странное острое чувство: эта крохотная мышка-полевочка, подающая свой голосок с земли, и этот высоко в небесах гудящий самолет... будто молнией замкнуло, сомкнуло землю и небо, а я оказалась между ними, как шар подбросило меня и я покатила в пространстве. Не остановиться, не ухватиться за что-то не могу, — лечу! У Юры есть стихотворение, которое точно объясняет моё ощущение:

*Прозрачно краски охладели,
Объемней стала тишина...
Бродил без повода и цели
По синим травам допоздна.*

*Когда ж прилег на крутояре,
Где зверобой и чистотел,
Казалось мне, в стеклянном шаре
Я над безмолвьем полетел.*

*В том отчужденье было просто
Земли почувствовать тепло...
И каплями ложились звезды
На равнодушное стекло.*

Целый день я провела в полях, бродила по дорогам, изъезженным машинами и тракторами. Борзые убегали далеко, потом догоняли и опять скрывались за горизонтом. Возвращаться не хотелось. Шла и читала стихи Адрианова, Фета, Пушкина, Тютчева, Анненского. Всего было ненасытно: и стихов, и простора, и солнечного дня, который повторится ли завтра?

В избе было тепло, но надо заваривать кашу наутро, поэтому затопила печку. Мед я ела безмерно. Такого обжорства медом, настоящим, львовским, в моей жизни больше никогда не повторялось.

Солнечным вечером, когда стали стучаться сумерки, я села возле окошечка, выходящего на западную сторону. Невозможно было оторвать взгляда от пылающего заката. Долго смотрела. Но вот он начал потухать, меняя краски. Подумала, как разумно ставили избы на Руси. Ведь они расположены не абы как, а окнами на запад, чтобы люди подольше могли делать свою домашнюю работу. В крестьянских школах стояли передвижные учебные доски. Когда наступали сумерки, их переставляли ближе к окнам, чтобы было светлее. Как всё продумано сметливым крестьянским умом! Почти стемнело. Бесшумной тенью промелькнула мимо окошечка моя знакомая сова, которая прилетала вчера. Я радуюсь, что она жива. Залезла в спальник и, засыпая, снова почувствовала, как Богородица укачивает меня на руках. Это детское ощущение посещало меня каждый вечер перед сном. Ночью или вечером, во всяком случае, в темноте сквозь сон я слышала далеко-далеко буксующую машину. Это у нас в селе было событием — явление живых душ в безлюдье. Видимо, кто-то из родственников моих львовских «земляков» приезжали за картошкой и не могли выехать, застряли на бездорожье. Долго машина бессильно вела и стонала. Странное чувство присутствия людей немного развлекало и веселило. Вскоре я уснула крепким безмятежным сном до утра.

А утро опять оказалось солнечным. Радуясь этому, вышла после завтрака из избы и обнаружила у крыльца большую семейку белых грибов. Я изредка видела их и раньше, но сейчас они так нагло смотрели на меня

и дразнили, что пришлось наклониться и взять. Дальше — больше. Вдоль нехоженой, чуть заметной тропки, вдоль покинутых избушек росло их несметное количество. Так дошла я до барского дома, собирая по дороге грибы. Тут встретила знакомую старушку в очках. У неё в руках была большая корзина, до краев наполненная грибами. Мы поздоровались.

— Ну как тебе живется, милая?

— Спасибо, живу в теплой избе.

— Да мне Петро уж говорил. Ну, и слава Богу. Живи, радуйся. Мы нынешний год грибами объедаемся. Как шагнешь за порог, так наберешь корзину. Без неё не выходим. Нынче грибы под каждой ж... растут, бери — не хочу.

И стала я грибы эти собирать каждый день. У меня уже глаза на них глядели, так они надоели. И мимо пройти нельзя. Я и грибную лапшу готовила, и супы, и жарила с картошкой. Даже борзые, набегавшись за день по полям, ели их с удовольствием. Так мы и жили. Сосед Петро больше не заходил, Василий не побеспокоил ни разу. Федор, поняв моё желание уединения, тоже не появлялся. Старушки не интересовались моим житьём-бытьём. А может быть, стеснялись потревожить. Жаль. Мне хотелось бы с ними поговорить, они много могли бы рассказать интересного. Но я тоже не решалась тревожить их.

Как-то после полей, отшагав с борзыми многие километры, я вернулась в избу. Пообедала и накормила собак, потом решила обойти другую сторону села. Дошла до конца порядка, который оказался больше того, где я жила. Никого не встретила. На обратном пути заходила в каждую заброшенную избушку и находила множество интересных предметов. Чего так только не было! Набрала несколько светцов разной формы и размеров, глиняные черные казаринские плошки, кувшины, блюда. Не могла смириться с тем, что такая ценность валяется ненужная по избам. Взяла домой, чтобы подарить нашим друзьям.

Три дня согревало осеннее солнышко Львовку. Благодатными прозрачными вечерами я из окошечка избы любовалась заходом солнца, смотрела, как оно скрывается за деревьями, меняя освещение неба. Время во Львовке двигалось медленно, сонно переваливаясь с боку на бок. Я исходила все поля, невзирая на погоду. Она опять стала однообразно дождливой, солнышко недолго побаловало нас. Иногда весело вспоминала Петра: «А денег-то тебе за это платят?» Эх, Петро, Петро, знал бы ты, что жизнь во Львовке дарует мне больше, чем деньги. Отрешенность жизни не угнетала. Наоборот, я так наполнялась неброской красотой здешней природы, что не скучала по городу нисколько. Моими спутниками тогда были надежные друзья — книги, борзые. Единственно, чего мне хотелось — увидеть Юру. Рассказов накопилось — не пересказать. И у него, конечно, впечатлений множество. Очень хотелось встречи. Как-то солнечным утром я присела на крылечке нашей избушки. Прилетела синичка, с любопытством посмотрела на меня и затинкала. Как я обрадовалась! Они часто прилетали к нам под окошко на улице Белинского. Мы с Юрой радовались, когда слышали по весне и ранней осенью нежные голосочки слётков — птенцов, которые слетали с гнезда и начинали познавать мир. Так они перекликались со своими родителями. Встретить эту пичугу здесь, вдали от дома, было необыкновенно радостно. Непреодолимая сладкая тоска по Юре охватила душу, так захотелось увидеться, прижаться к нему, что слезы неудержимо полились из моих глаз. Долго сидела на пороге и плакала спасительными слезами. Синичка прилетала, улетала и опять прилетала. Я смотрела на неё и представляла, что сейчас делает Юрашка:

*Расстались мы, ты странствуешь далече,
Но нам дано опять
В таинственной и ежечасной встрече
Друг друга понимать.*

А. Фет

Потом, уже в городе при встрече, он будет мне рассказывать, как видел синичку и вспоминал меня. Удивительно! Но почему именно тогда, когда я была в болдинской Львовке? Ведь он не знал, что я сюда уехала! В это трудно поверить посторонним, и не надо. Но я-то знаю, что такое у нас бывало с ним не раз. При этом мы изумленно спрашивали друг друга: «Неужели?!» Вот как он напишет об этом в своей книге «Российской памяти созвездье»: «Я сижу на крылечке нерчизаводской гостиницы. Районный поселок лежит возле самого края российской земли. Он — тихий, замерший в остудной дреме. Гребни сопок тускнеют. День ушел на запад. Сейчас за шесть с лишним тысяч верст отсюда в Болдине, ещё светлынь». «Я же, остановившись возле лунинского (М.С. Лунин — декабрист — Н.А.) памятника, наблюдаю, как синичка, раскачиваясь на ветке даурской березки, посвистом своим словно посмеивается... Она счастлива своей маленькой жизнью: «Тики-так! Тики-так!» А где-то за тысячу верст от Акатуя в болдинском парке вот так же посвистывает уверенная в радости жизни её далекая родная сестра: «Тики-так! Тики-так!» Вот какие бывают сближения!

Утром решила сходить в Болдино, ещё раз попытаться дозвониться до Иркутска. К тому же, надо было купить кое-что из продуктов. Рано утром (по моим ощущениям рано) я нагуляла борзых, оставила их в избе и отправилась в путь. Весело шагала по знакомой дороге, напевая песни и читая вслух стихи любимого мужа. Расстояние в восемь километров не казалось мне тогда большим. И раньше я видела по обочинам дороги старые заброшенные дома, но не сворачивала с пути, чтобы посмотреть на них. А тут что-то меня потянуло глянуть на эти несчастные домишки, крыши которых едва виднелись. Я сошла с дороги и сразу утонула в траве. Всего-то несколько уцелевших избышек, остальные совсем развалились. К одной покосившейся прибит скворечник, вполне целый и даже заселенный. Смотрю, оттуда со щебетом вылетает птичка, да такая веселая, что и я повеселела. Стала наблюдать. А их, оказывается, несколько. И все трудятся, звонко переключаясь. Они совсем не боялись моего присутствия, пролетая мимо. Отвыкли от людей.

— Ах вы, птахи милые, как вам хорошо без человека-то! Как вы этому рады! Одна, сидя на ветке, глянула на меня и тут же полетела по своим делам. Вот так и живут, не нуждаясь в людях. Да и что хорошего может предложить им человечество? Разве что дать жить птицам по-птичьи.

Распрощавшись с птахами, вышла на дорогу. В раздумьях и воспоминаниях о Юре незаметно дошла до Болдина. Опять не дозвонилась до Иркутска и решила, что это последняя моя попытка, больше дозваниваться не буду. Купила в магазине всё необходимое и пошла в сторону Львовки. Захотела пить и попросила у старушки, которая что-то делала во дворе своей избы. Она вынесла мне ведерко воды, кружку и поинтересовалась, откуда я и куда иду.

— Что-то не знаю тебя. Приезжая?

— Приезжая. Из Горького.

— А где живешь? В Болдине?

— Я не в Болдине, во Львовке живу.

Старушка ахнула, оживилась.

— Да что ты! И у кого во Львовке?

— У Василия в избе. Он сам в Болдине, а меня в свою избу пустил.

— И давно ты там живешь?

— Дней десять.

— Дачница, значит? Уж очень погода плохая, дождит непрерывно. И кого ты там встречаешь?

И начала она меня спрашивать:

— А эта-то жива? А этот? А такая-то и такая? Уж как я всех давно не видала! Передавай привет, кого встретишь.

Она назвала ещё несколько человек, но сказать о них я не могла,

потому что не всех знала. Да и кого знать-то? Осталось во Львовке жителей — раз-два и обчелся.

Пора возвращаться. Пошла дорогой, которая лежала вдоль непроходимой лужицы. Вокруг было сумрачно, дождливая осень окрасила всё в темные тона. Радостно было только большой стае гусей, которые с удовольствием плескались в глубокой луже и громко гоготали от удовольствия. Я остановилась, потрясенная необыкновенной картиной. Глядя на гусей, я дивилась их не сравнимой ни с чем окружающим белоснежности. Они были самым ярким пятном по сравнению со всем, что было вокруг. Грязь не приставала к ним, они не теряли своей чистоты. Эти привычные птицы были единственным островком белизны посреди однообразной серости дождя, поблекших изб, потемневшего колодца вдоль улицы, черных стволов деревьев и людей, одетых в темную одежду. Гуси выглядели необыкновенно празднично, подчеркивая свое белое-белое оперение. Контраст удивительный! До сих пор вспоминаю тот пасмурный день, гусей, плескающихся в луже и весело сопротивляющихся ненастью. Подходя ко Львовке, почувствовала теплоту в сердце. Это село стало мне родным, любимым, как и его немногочисленные жители. Если бы у меня имелась возможность, сделала бы для них самое желанное ими.

В один из привычных дней после хождения по полям я готовила еду на всю нашу веселую компанию. Мимо окон прошли две городские женщины. Я к тому времени уже стала настоящей деревенской жительницей: меня интересовала каждая мелочь, происходившая в нашей Львовке. Отложив дела, вышла из избы. Женщины шли и о чем-то оживленно разговаривали. Я окликнула их. Увидев меня, они бурно обрадовались. Оказалось, что женщины — пушкинистки из Ленинграда, добираются пешком до Львовки. Так велико было их желание попасть сюда, что они, несмотря на трудности, всё-таки достигли цели. И вот идут они по сельской улице, желая увидеть барский пушкинский дом. Я вызвалась проводить их и показать всю усадьбу.

— Мы осмотрели музей в Большом Болдине и решили, что нельзя не побывать во Львовке. Нас предупредили, что дорога неблизкая. Пока искали машину, которая довезла бы нас до Львовки, прошло время. Машину мы так и не наши, поэтому решили идти пешком.

Я тоже была рада нарушить свое одиночество такими замечательными увлеченными людьми. Показала усадьбу, рассказала все подробности, которые знала о барском доме, о дедушке поэта Льве Александровиче Пушкине, об Александре Александровиче. Провела их с рассказами по барскому дому, показала церковь, школу. Общались мы замечательно. Они никак не могли понять, как я здесь живу одна в пустой избе в таких условиях. Я сказала, что отдыхаю во Львовке и скоро вернусь в город, что муж мой — известный поэт, прозаик. Вдохновенно читала стихи Юрия Адрианова. Ленинградские пушкинистки были потрясены и находились под огромным впечатлением. Они ахали и охали, обещали рассказать обо все увиденном в славном городе на Неве. Смеркалось. Дамам пора было возвращаться. Я вызвалась проводить гостей, на что они охотно согласились. Очень хотелось им подарить на память что-нибудь из болдинско-львовских вещей. Я вынесла два больших кувшина черной казаринской глины и два светца. Вручила сборник стихов и прозы Юрия Адрианова. Пушкинистки были очень рады подаркам. Но когда я вывела из избы трех красивейших борзых, дамы окончательно потеряли дар речи!.. По дороге рассказывала, что во Львовке до сих пор собак породы русские псовые борзые называют пушкинскими. Я шла своим привычным шагом, но гости просили меня идти помедленнее. Оказывается, за дни хождения по полям я привыкла ходить резво. Уже смеркалось, и женщины тревожились, не случилось бы с ними чего-нибудь нехорошего по дороге. Как коренная жительница, я заверила их, что тут никто не шалит, разбойников не водится. На прощанье я попросила позвонить в Ленинграде моей подруге борзятнице Наде Новиковой.

Дала её телефон, свой домашний, они мне — свой, приглашая заходить в гости, если окажусь в Ленинграде. Забегая вперед, скажу, что когда я была уже дома в городе, мне звонила Надя и поведала, что ей звонили какие-то «ненормальные» женщины, сказали, что встретили меня в каком-то селе. Надя ничего не поняла, только выслушивала восторженные слова. Когда я ей объяснила, в чем дело, мы от души порадовались и повеселились неожиданной встрече.

Жизнь моя во Львовке подходила к концу. Числа, зачеркнутые на календаре, прибавлялись, а оставшиеся до отъезда убывали. Мне было жалко уезжать отсюда, и в то же время не терпелось увидеться с Юрой. Утром следующего дня я прощалась со Львовкой. Обошла село, с легкой грустью наслаждалась возможностью вкушать всё это. Медленно бродила по березовым и липовым аллеям, по саду с терновником... Вошла в барский дом, долго сидела на ступеньках второго этажа, пожелала ему счастливой жизни, наполненной встречами с людьми, добрыми гостями.

Хочу рассказать о встрече со Львовкой, которая состоялась спустя почти двадцать лет. Меня пригласили поехать на Пушкинские дни в Болдино. Я согласилась, не раздумывая. Обещали кроме Болдина ещё и поездку во Львовку. Не терпелось увидеть места, ставшие мне родными! За эти годы многое изменилось в моей жизни. Скончался муж Юрий Адрианов. Многое пришлось пережить. Экскурсионный автобус заехал не со стороны дороги, по которой мы подъезжали много лет назад, а с другой, прямо на стоянку возле барского дома. Как я волновалась! Порадовалась, что кругом ухоженность, чистота. В барском доме усадьбы Пушкиных открылся музей героев «Повестей Белкина», написанных Александром Сергеевичем в Болдине. Обстановка в пяти комнатах напоминает интерьер провинциальных усадеб первой трети XIX века. Музей литературных героев Пушкина очень хорош! А я вспоминала, как бродила по пустому дому, сидела на деревянных ступеньках. Тогда мне только представлялось, какая тут будет жизнь, как будут приезжать экскурсии, приходить гости. И вот сейчас я одна из них. Рядом церковно-приходская школа, в которую я не могла попасть в свой прежний приезд. Открылась она после реставрации в 2008 году. Побывала и в школе. Там воссоздана обстановка класса, где учились крестьянские дети. Гостям разрешается даже посидеть за партами. Экспозиция рассказывает об истории реставрации усадьбы. Всё увиденное в усадьбе-музее не может не понравиться самому взыскательному посетителю. Но душа всё-таки рвалась туда, где я была так счастлива! Конечно, уже нет в живых ни моих славных старушек, которых я встретила, ни Петра. Осмотрев нынешний барский дом и школу, побежала к «своей» избушке, надеясь увидеть её в целостности и сохранности. Вот знакомые тропочки. Душа ликовала от любви ко всему, что помнится. Шла, шла и никак не могла отыскать ту избу. Охватило отчаяние. Где же ты, моё счастливое прошлое? Отзовись! Тишина в ответ, молчит прошлое. Не решилась идти дальше, чтобы не опоздать на автобус. Так и пришлось вернуться ни с чем. Подходила к барскому дому, увидела во дворе избы, в которой жил Петро, знакомого человека, похожего на Федора. Подошла. Я узнала его, это был Федор, хотя уже изменившийся. Но ведь и меня тоже изменило время. Поздоровалась.

— Вас, случайно, не Федор зовут? Вы не помните, здесь много лет назад я жила с борзыми собаками. Не узнаете?

Мужчина недовольно посмотрел на меня:

— Помню, жила такая.

Я стала спрашивать обо всех, но неприветливость Федора заставила закончить общение. И всё-таки я была рада, что нашла хоть одного свидетеля моего счастливого времени. Федор живет в доме, в котором раньше жил Петро. Работает Федор сторожем в музее.

Возвращаюсь в прекрасное прошлое. В назначенный день отъезда в город я ни на шаг не отходила от избы. Написала Диме и Лене запи-

ску, что живу в таком-то месте, и прикрепилась к прежней избе. Так и не дождалась их в тот день. Начала нервничать. Не могла понять, что произошло. Может, я что-то перепутала? Нет, я аккуратно зачеркивала прошедшие дни на календаре. Но что же делать? Вдруг у них что-то случилось? Доехать самостоятельно до города с борзыми и вещами нереально. Но ведь Юра приезжает завтра вечером! Если муж приедет, а меня нет, он так переволнуется, что радость встречи исчезнет и не вернется. На следующий день с рассвета я хотела идти в Болдино дозваниваться до Димы и Лены, но не решилась, чтобы не разминуться. Места себе не находила. Если сегодня не буду дома, то всё пропало! О встрече в аэропорту не было и речи: я не успевала. И вот наконец-то издали слышался долгожданный шум машины. «Нет, то не крыльев шум, то кони у крыльца...» Несказанная радость охватила меня! Неужели это Дима с Леной? Да, это были они. Встретить людей после длительного уединения — чувство необъяснимое. Попробуйте так пожить, и вы испытаете то, что я испытала. Мы обнялись. В суете сборов обменивались мимолетными рассказами, они — городскими, я — местными. Рассказала, что недавно в поле далеко-далеко видела мужика на велосипеде. Они рассмеялись:

— Ну, мужик ехал на велосипеде. Ну и что?

— Да вы ничего не понимаете! Представьте себе — мужик на велосипеде. Зачем он едет и куда? В селе надо знать всем обо всём. Понятно? Да ну вас, ничего вам не понятно.

— Я вижу, тебя окончательно поглотила деревенская жизнь, — мрачно заметил Димка.

Потом я рассказывала, что еле пережила волнения по поводу того, что они не приехали вчера, в назначенный день. Они оправдывались, что никак не могли выбраться. Мы перетаскали и погрузили в машину моё хозяйство, борзые запрыгнули, и все тронулись в путь. С прощальной тоской смотрела я из окна машины на дорогу, по которой ходила в Болдино. Вот избушки, возле которых я увидела птиц, здесь сидела на крыльчке покосившейся избушки. Я, не смолкая, рассказывала Димке и Лене обо всём.

— В последнее время не ходила в Болдино, обходилась тем, что было. Выручали грибы. Я на них уже глядеть не могу! Борзых кормила грибами.

Они заметили, что я очень похудела.

— Зато как окрепла! Не хожу, а парю над землей, слегка касаясь её ногами!

Сейчас всё — мелочи по сравнению с тем, что сегодня! — наконец-то сегодня я увижу Юрашку!!! Вот что такое счастье! Жаль, что не встречу его в аэропорту, как договаривались, но всё-таки встречу, хотя бы дома.

Когда начались городски каменные дома, я обрадовалась так, как радуются дикари.

— Ну, ты уж совсем довела себя до края! — сказал Димка. — Я не представляю, что жизнь в одиночестве в деревне может сотворить с человеком такое.

По дороге мы заехали в магазин, чтобы купить необходимое, потому что в доме не было никакой еды. Я одичало воспринимала всё: магазин, людей, которые ходили вокруг. Войдя в наш подъезд, я смотрела на каменные ступеньки, трогала каменные стены. Мда-а... Как это трудно объяснить!

Вещи были перенесены в дом. Мы распрощались, я поблагодарила друзей. Они забрали Нору и поехали к себе. Я, оставшись одна в нашей квартире, стала осматриваться, как будто впервые ступила сюда. Но расхолаживаться было некогда, через полтора часа должен появиться Юрашка. Быстро собрала на стол, и стала ждать мужа. И вот звонок! Помчалась открывать. На пороге стоял радостно улыбающийся Юрашка. Что происходило потом!.. Мы не могли насмотреться друг на друга, обнимались, целовались попеременно с разговорами, он — своими, я — своими!

Впереди — долгожданное счастье! Но на этом я закрываю двери...